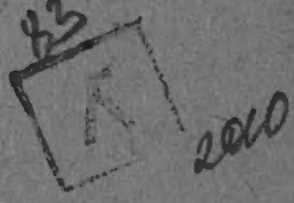
Партия с-р ЦК

Горе русских солдатиков

2 экз

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЦГ7
П279₂



Ц. К.
№ 2905.
ЦГТ
П279₂
1009
Ц12139
Шпишко, И.
Bibliothèque Georges Koukline
П. с-р. Ц. К.
Горе русских солдатиков.
2 экз.

От Центральнаго Комитета

Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ.

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое.

Листовка девятая.

Горе русскихъ солдатиковъ, или какъ наши генерал[illegible] [illegible]оюютъ.

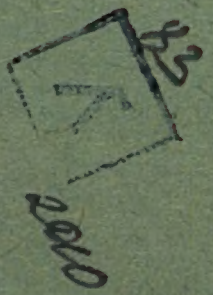
[illegible] наше правительство сво-
[illegible]браться въ чужія земли,
[illegible] въ книжкѣ „Откуда по-
[illegible]Теперь посмотримъ, брат-
[illegible]-то къ этой войнѣ; по-
[illegible]особно вести военныя дѣ-
[illegible]я для своего народа. Или
[illegible]ески у себя дома, наши
[illegible]тались и на войнѣ тѣми же злыми лиходѣями? Полюбуемся на подвиги нашихъ генераловъ — морскихъ и сухопутныхъ, которымъ поручена была судьба многихъ тысячъ солдатъ, лучшихъ работниковъ страны.

Русское правительство въ самомъ началѣ войны объявило, что оно войны этой, будто бы, никакъ не желало и потому совсѣмъ-де къ ней не готовилось.

Заявленіе это — чистый обманъ съ начала до конца: царь съ министрами войны *хотѣли*, да только думали начать ее на годокъ *попозднѣе*; къ войнѣ наше правительство *готовилось*, да только *приготовиться не успѣло*, когда у Портъ-Артура загремѣли пушки. Японцы насъ упредили, — вотъ въ чемъ штука.

Правительство, конечно, знало, что у него не все готово къ войнѣ. И однако въ своихъ переговорахъ съ Японіей прямо на задоръ лѣзло. Какъ назвать такое

2 экз.



ьса-Ленина. Библиотека

ВАНИЕ

Шифр

Ц. К.
№ 2905.
Ц 1
П 279 2
Библиотека Института Ленина
Библиотека Georges Kouklinе
Щишко, Н. Э.

Отъ Центральнаго Комитета
ПАРТІИ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое.

Листовка девятая.

Горе русскихъ солдатиковъ, или какъ наши генералы воюютъ.

Войну съ Японіей вызвало наше правительство своимъ задоромъ и желаніемъ забраться въ чужія земли, о чемъ мы подробно толковали въ книжкѣ „Откуда пошла русско-японская война". Теперь посмотримъ, братцы, было ли оно хоть готово-то къ этой войнѣ; посмотримъ, оказалось ли оно способно вести военныя дѣла безъ позора и лишняго горя для своего народа. Или же, угнетая его, обирая всячески у себя дома, наши правители и распорядители остались и на войнѣ тѣми же злыми лиходѣями? Полюбуемся на подвиги нашихъ генераловъ — морскихъ и сухопутныхъ, которымъ поручена была судьба многихъ тысячъ солдатъ, лучшихъ работниковъ страны.

Русское правительство въ самомъ началѣ войны объявило, что оно войны этой, будто бы, никакъ не желало и потому совсѣмъ-де къ ней не готовилось.

Заявленіе это — чистый обманъ съ начала до конца: царь съ министрами войны *хотѣли*, да *только* думали начать ее на годокъ *попозднѣе*; къ войнѣ наше правительство *готовилось*, да только *приготовиться не успѣло*, когда у Портъ-Артура загремѣли пушки. Японцы насъ упредили, — вотъ въ чемъ штука.

Правительство, конечно, знало, что у него не все готово къ войнѣ. И однако въ своихъ переговорахъ съ Японіей прямо на задоръ лѣало. Какъ назвать такое

поведеніе? Не иначе, какъ глупымъ: вѣдь, глупо лѣзть на задоръ, не собравшись съ силами.

А впрочемъ, можетъ быть и такъ, что царь съ министрами не ожидали отъ Японіи нападенія, думали, что она, такая маленькая, не посмѣетъ первая вызвать на бой огромную Россію. А Японія взяла, да и посмѣла! И тутъ, значитъ, наши правители сѣли въ лужу, какъ нельзя лучше.

Проморгали они и поспѣшныя военныя приготовленія японцевъ и страшную злобу ихъ на Россію изъ-за увертокъ нашего правительства въ переговорахъ. Не съумѣли наши правители разсчитать и того, какую военную силу можетъ выставить Японія, какія тамъ правила военнаго обученія. Прикидывали они умными своими головами, что больше 300 тысячъ японцы послать въ Манчжурію не смогутъ, а ихъ уже давно больше 400 тысячъ и еще почти столько же войскъ имѣется дома.

Держалъ нашъ царь въ японской столицѣ своихъ постоянныхъ пословъ (чиновниковъ, значитъ), тратилъ на это не одну тысячу народныхъ денегъ. Послы эти, кромѣ переговоровъ, должны были узнавать японскую страну, присматриваться къ японскимъ порядкамъ, къ народному нраву, а они вмѣсто этого присматривались... къ японкамъ, да изучали... японскіе кабаки. Никто даже японскаго языка какъ слѣдуетъ не зналъ. Что-же путнаго можно было узнать такимъ манеромъ.

А не узнавши со всѣхъ сторонъ чужого народа, соваться въ войну съ нимъ — это значитъ переть на рожонъ съ завязанными глазами.

Напротивъ того, японцы все у насъ давнымъ давно разузнали-разнюхали: и про войско, и про крѣпости наши, и про всѣ наши порядки (лучше сказать — непорядки). Особенно, когда они вмѣстѣ съ русскими ходили походомъ на Китай, 5 лѣтъ тому назадъ, вотъ тутъ они все наше военное искусство изучили. А наши

отцы-командиры только подъ японскими пулями да бомбами за науку взялись: только нынѣшней весной по войскамъ нашимъ роздали книжки объ японскихъ военныхъ обычаяхъ.

Во многихъ нашихъ газетахъ писалось, что японцы каждый уголокъ Манчжуріи знаютъ, на все у нихъ свои планы да замѣтки есть, а у нашихъ и тутъ ничего: бредутъ по чужимъ землямъ, какъ слѣпые безъ поводыря, идутъ въ одно мѣсто, — попадаютъ въ другое; зайдутъ впередъ, а японцы, смотришь, по какой-нибудь невѣдомой нашимъ дорожкѣ сзади зашли, да и давай нашихъ во всю гвоздить.

Вотъ черезъ всѣ эти наши оплошности и непорядки нашимъ солдатамъ и на сушѣ и на морѣ сразу же пришлось терпѣть страшныя, неслыханныя потери и неудачи.

Въ ночь на 27 января японцы первые напали на русскіе корабли въ Портъ-Артурѣ и три изъ нихъ пробили такъ сильно, что имъ пришлось очень долго чиниться. Названье этихъ кораблей: „Цесаревичъ“, „Ретвизанъ“ и „Паллада“. Безъ нихъ нашъ флотъ очень ослабѣлъ и японцы стали на морѣ полными господами.

Наше правительство и подневольные газетчики объявили это нападеніе японское несправедливымъ, „предательскимъ“, а потерю трехъ кораблей не пораженіемъ, а несчастной случайностью, „жертвой японскаго коварства“.

Вранье это, братцы!

Намъ съ японцами дѣтей не крестить и заступаться за нихъ мы не желаемъ; но по справедливости надо сказать, что они поступили такъ, какъ поступилъ бы на войнѣ всякій на ихъ мѣстѣ, и *какъ не разъ дѣлали русскіе цари.* Наши цари тоже не разъ посылали войско безъ объявленія войны, какъ, напримѣръ, Николай I и Александръ II. И три корабля у насъ были попорчены не по несчастной случайности, а по глупо-

сти и нераспорядительности нашего морского начальства. Дѣло было такъ.

Въ злосчастную ночь на 27 января начальникъ флота послалъ нѣсколько миноносокъ (миноноски — паровыя лодки, выпускающія взрывчатые снаряды — мины). Эти миноноски должны были осмотрѣть, нѣтъ ли поблизости японскихъ кораблей. Вышли онѣ въ море, а японцы тутъ какъ тутъ, тоже со своими миноносками. Наши, вмѣсто того, чтобы стрѣлять по нимъ, или по крайности, поднять тревогу, повернули назадъ. А японцы ихъ замѣтили, да, потушивши на своихъ судахъ огни, преспокойно по ихъ слѣдамъ и прошли въ артурскую пристань. Пока наши догадливые командиры докладывали своимъ распорядительнымъ начальникамъ объ японцахъ, тѣ уже принялись рушить наши корабли. Поднялась страшная суматоха. Корабль, съ огромной пробоиной, спасаясь къ берегу, загрузъ въ проходѣ на мели, а проходъ и безъ того тамъ былъ узокъ. Другой корабль впопыхахъ задѣлъ и попортилъ своего сосѣда — корабль „Діану“...

Вотъ какъ опростоволосились наши командиры!

На что китайцы народъ въ военномъ дѣлѣ неумѣлый, — и тѣ, воюя съ японцами (10 лѣтъ тому назадъ), не подпустили ихъ къ себѣ, когда японцы хотѣли вотъ такъ же украдкой корабли ихъ подбить. А наши „доблестные“ адмиралы и капитаны уберечь себя не смогли.

Почти около того же времени японцы напали большими силами на два русскихъ корабля — на „Варяга“ и „Корейца“ въ Корейской пристани, уничтожили ихъ и перебили много нашихъ матросовъ.

И опять виной этому былъ намѣстникъ Алексѣевъ: ему бы, въ ожиданіи войны, собрать всѣ морскія силы въ одно мѣсто, а онъ разбросалъ ихъ, куда зря: четыре корабля оставилъ во Владивостокѣ, два въ Кореѣ, нѣсколько мелкихъ кораблей еще кое-гдѣ. Японцамъ это было на руку: корабли наши они и отхватили.

На морѣ наши командиры, стало быть, сразу же отличились.

Однако ни они, ни правительство за срамъ этого не считали: „русскіе, молъ, не морскіе вояки; вотъ на сухопутьи, такъ мы этимъ япошкамъ покажемъ!“

Ну, скоро и показали.

Въ половинѣ апрѣля сошлись наши съ японцами на сушѣ, на рѣкѣ Ялу, въ Кореѣ. Командовалъ нашими войсками генералъ Засуличъ.

И отличился. Японцевъ было въ 2 раза съ половиной больше нашихъ; биться противъ такой силы не было никакого разсчета; слѣдовало бы по добру-по здорову податься назадъ, чтобы попусту народу не терять. Но Засуличъ вздумалъ свою храбрость показать и затѣялъ бой. Да еще что сдѣлалъ: половину своего и безъ того небольшого отряда поставилъ такъ далеко отъ своихъ войскъ, что эта половина не успѣла во-время придти на помощь другимъ полкамъ.

Не успѣло также начальство припасти и большихъ пушекъ. А японцы и силами огромными перли на нашихъ, и осадныя огромныя пушки съ собой привезли.

Нашимъ несчастнымъ солдатикамъ пришлось жестоко поплатиться за грѣхи начальниковъ: нѣсколько тысячъ ихъ было побито и ранено; одинъ полкъ попалъ въ такую передѣлку, что ему пришлось бѣжать, куда глаза глядятъ. Тридцать пушекъ попали въ руки японцевъ.

Стыдно было на этотъ разъ и самимъ нашимъ генераламъ. И вотъ стали они другъ на друга вину складывать. Засуличъ говоритъ, что ему приказано безпремѣнно задержать, — хоть тамъ что! — японцевъ на переправѣ. А Куропаткинъ, главнокомандующій, увѣряетъ, что Засуличу было сказано отступить въ случаѣ наступленія слишкомъ большихъ японскихъ силъ.

Кто изъ нихъ вралъ, кто правду говорилъ, лѣшій ихъ вѣдаетъ; да для русскихъ солдатиковъ, легшихъ

костьми на чужой сторонѣ все равно, тотъ ли, другой ли генералъ повелъ ихъ на этотъ неравный смертный бой; все равно — не встать имъ ужъ больше съ долинъ и горъ корейскихъ, не вернуться въ родныя семьи, не подняться грозными обличителями своихъ лиходѣевъ-генераловъ!

Такъ было на рѣкѣ Ялу.

Черезъ мѣсяцъ произошло новое кровопролитное сраженіе на сушѣ, верстахъ въ 50-ти отъ Портъ-Артура (у Кинчоу). Японцевъ опять было много больше, чѣмъ нашихъ, но за то наши сидѣли за сильнѣйшими, почти неприступными укрѣпленіями, имѣли много осадныхъ пушекъ. Мѣсто было узкое, зайти нашимъ сзади японцы не могли; пришлось имъ бить прямо, что называется, въ лобъ, лѣзть на проломъ.

Ужъ-тутъ-то можно бы, кажись, нашимъ за себя постоять и японцевъ къ Артуру не пропустить. Но нѣтъ! и тутъ наша чека не взяла: опять пришлось уходить отъ японцевъ безъ оглядки, да еще 80 пушекъ имъ оставить! Солдаты наши бились до отчаянности храбро, но и на войнѣ, видно, одной отчаянностью всего не возьмешь. У японцевъ, кромѣ отчаянности, оказались болѣе искусные начальники и лучшая военная подготовка. Всякія военныя движенія, отступленія и наступленія, военный артикулъ, словомъ, — оказался у нихъ куда превосходнѣе нашего.

А оказалось это, во-первыхъ, потому, что у нихъ меньше стѣсненія въ наукахъ, чѣмъ у насъ; нашему солдату безъ разрѣшенія ротнаго командира и книжку съ воли достать не велятъ, а японскому въ чтеніи запрета нѣтъ. Оттого японецъ, хоть и рядовой, и приказаніе письменное разберетъ, и планъ мѣстности понимаетъ. Затѣмъ обращеніе съ солдатами тамъ совсѣмъ иное, чѣмъ у насъ. Японскіе офицеры обходятся съ своими солдатами ласково и просто; а для нашего офицера солдатъ въ родѣ, какъ двуногое животное. Тоже и насчетъ пищи японскому

солдату куда лучше нашего: тамъ офицеру дается отъ казны *совершенно тотъ жъ паекъ, что и солдату*—не больше и не меньше. Но отъ этого и солдатскій паекъ хорошъ и сытенъ.

Къ тому же наши генералы сдѣлали у Кинчоу одну огромную глупость: впереди нашихъ укрѣпленій, возвышалась гора „Самсонъ“; ее непремѣнно надо было занять и укрѣпить, когда еще японцевъ въ тѣхъ мѣстахъ не было. Ну, а наши „доблестные“ (навыворотъ) генералы до этого не додумались. Японцы ихней ошибкой воспользовались, поставили на „Самсонѣ“ пушки и стали со всѣмъ удобствомъ оттуда нашихъ колотить. Схватились тогда наши генералы за свои умныя головы, да ужъ поздно было... Пришлось только тѣмъ себя и другихъ утѣшить, что „японцевъ, молъ, много легло, а нашихъ мало“... Но это утѣшеніе лишь для тѣхъ, кто въ военныхъ дѣлахъ ничего не смыслитъ. На войнѣ нападающій теряетъ больше того, кто защищается; и вся задача и цѣль нападенія заключается въ томъ, чтобы оно не было отбито, да чтобы послѣ побѣды остались еще силы, грозныя для непріятеля. Въ русско-турецкую войну наши не разъ, куда больше турокъ, теряли, когда одерживали верхъ, и однако всегда такіе случаи безъ оговорокъ считались побѣдами.

У Кинчоу наша неудача случилась около половины мая.

Двѣ недѣли спустя нашимъ начальникамъ пришла въ голову мысль послать отрядъ съ генераломъ Штакельбергомъ на выручку Портъ-Артура. Затѣя эта была пустѣйшая. Портъ-Артуръ такая сильная крѣпость, что въ быстрой выручкѣ онъ не нуждается. Это разъ. А потомъ, ужъ ежели выручать, такъ надо было послать цѣлую армію, потому что японцы къ тому времени успѣли укрѣпиться на отбитыхъ у насъ позиціяхъ у Кинчоу и собрали тамъ большое войско. Безъ превос-

ходныхъ силъ идти на японцевъ было прямо безразсудно. Но извѣстно, дуракамъ, то бишь—русскимъ генераламъ законъ не писанъ: они сунулись.

Сраженіе разыгралось около станціи Вафангоу. Положили мы тамъ тысячъ 5-6 солдатъ, два съ половиной десятка пушекъ отдали японцамъ, да двое сутокъ уходили отъ нихъ подъ проливнымъ дождемъ, по невылазной грязи, опасаясь, какъ бы японцы насъ не отрѣзали.

А между тѣмъ къ Вафангоу японцы двинули войска лишь немногимъ больше нашего; ихъ было тысячъ 50; нашихъ около 42-хъ тысячъ. И бились японцы не за укрѣпленіями, какъ наши, а въ открытомъ полѣ.

Отчего дѣло кончилось нашей неудачей?

Первое дѣло: мало было пушекъ; виноваты въ этомъ были наши распорядители: они или совсѣмъ не знали, или позабыли, что въ нынѣшнихъ войнахъ пушки (артиллерія) рѣшаютъ почти все дѣло. Отличился и самъ начальникъ отряда – Штакельбергъ. Разсказываютъ за вѣрное, что во время сраженія онъ спалъ и не велѣлъ себя будить. Приказаній точныхъ, кому и куда идти, никто отъ него не получилъ, и каждый командиръ посылалъ свою часть, куда самъ хотѣлъ. Русскія баттареи (пушки) были разставлены неумѣло. Главная баттарея на второй день сраженія не перемѣнила мѣста; японцы вмигъ и разбили ее, такъ какъ еще въ первый день хорошо ее нащупали. Во время боя одна часть отряда не знала, что дѣлается въ другой. На одномъ, напримѣръ, боку наши погнали было японцевъ и ушли далеко впередъ, а въ это время посреднѣ и съ другого бока осилили японцы и зашли нашимъ зарвавшимся полкамъ въ тылъ, и пришлось тѣмъ пробиваться назадъ подъ жестокимъ огнемъ непріятеля.

Такъ отличился генералъ Штакельбергъ при Вафангоу 1 и 2 іюня 1904 г.

Любопытно еще вотъ что. Говорятъ, что и на этотъ

разъ наши генералы не на одно думали: главнокомандующій—Куропаткинъ—будто бы не хотѣлъ посылать Штакельберга, и приказъ идти былъ присланъ изъ Петербурга отъ самаго „царя-батюшки“, по настоянію намѣстника Алексѣева. Такъ что у насъ командировъ набралось, хоть отбирай, и всѣ врозь! Одинъ говоритъ: „отступай“—другой „наступай“, а третій—царь-батюшка, сидя во дворцѣ съ своими совѣтчиками, тоже солдатиковъ по картамъ разводитъ и въ дѣло вмѣшивается.

И такъ было не одинъ разъ.

Въ августѣ мѣсяцѣ наступила очередь отличиться графу Келлеру. Этотъ графъ былъ прямо, можно сказать, „ерой“: въ бытность свою екатеринославскимъ губернаторомъ онъ храбро усмирялъ безоружныхъ рабочихъ на улицахъ и люто сѣкъ ихъ въ участкахъ. Повоевавши съ рабочими да студентами (стало быть, съ „врагомъ внутреннимъ)“ пошелъ нашъ графъ войной на „врага внѣшняго“. Оказалось, что бить японцевъ немножко потруднѣе.

Сначала долгое время нашъ храбрый графъ пятился передъ японцами назадъ, потомъ насмѣлился, пошелъ имъ навстрѣчу, и такъ они съ Куропаткинымъ разсчитали, что непремѣнно японцевъ врасплохъ застанутъ, однако, просчитались. Японцы узнали во время про движеніе русскихъ и вполнѣ приготовились ихъ встрѣтить. Нѣсколько тысячъ нашихъ солдатъ погибло (съ Келлеромъ въ придачу), остальные отступили.

Келлеръ еще ту промашку сдѣлалъ (какъ и Засуличъ при Ялу), что запасныя войска оставались далеко позади передовыхъ силъ; когда переднимъ понадобилась помощь, ея подъ руками не было.

Совѣстно было нашимъ отцамъ-командирамъ за эти неудачи, но вполнѣ форсу своего они еще не теряли: ждали генеральнаго сраженія, ждали, что вотъ Куропаткинъ всѣ войска соберетъ въ одну горсть, найдетъ

удобныя позиціи и раскатаетъ японцевъ въ лучшемъ видѣ.

Скоро наступили и генеральныя сраженія. Въ половинѣ августа разыгралась страшная бойня около Ляояна. Продолжалась она 5 дней. Тутъ собрались всѣ русскія и японскія силы. Всѣхъ было около полумилліона человѣкъ. Японцевъ было, — одни говорятъ, немного больше, а другіе, что немногимъ меньше, чѣмъ нашихъ. Наши сражались за сильными Ляоянскими укрѣпленіями, а японцы опять въ открытомъ полѣ. И чѣмъ же кончилось дѣло? Потеряла наша армія больше 30 тысячъ человѣкъ и отдали Ляоянскую укрѣпленную позицію японцамъ.

Подъ Ляояномъ нашими командировалъ „самъ“ Куропаткинъ. Это, вправду сказать, самый лучшій изъ русскихъ генераловъ. Но такъ какъ среди нихъ настоящихъ полководцевъ все таки нѣтъ, то и самый лучшій изъ нихъ — небольшая звѣзда. Наши подневольные газетчики не нахвалятся Куропаткинымъ потому, что онъ, видите-ли, больно хорошо... отступаетъ, въ плѣнъ нигдѣ не попалъ. Ну, не смѣшно ли это? Недоставало только, чтобы японцы съ равными силами гдѣнибудь насъ окружили, да въ полонъ взяли!... Ужъ подлинно, когда нечего сказать, такъ и „да“ хорошо.

А вотъ промаховъ, ошибокъ числится за Куропаткинымъ не мало. Еще раньше Ляояна онъ допустилъ японцевъ почти безъ боя занять важные проходы въ манчжурскихъ горахъ, а потомъ, когда они тамъ какъ слѣдуетъ укрѣпились, вздумалъ отобрать ихъ назадъ, и, конечно, невпопадъ.

Подъ Ляояномъ у него вышла такая штука: одна японская армія (восточная) перешла черезъ рѣку уже два дня, а у насъ ничего объ этомъ не знали, хотя казаковъ для развѣдокъ тамъ водимо-невидимо. А узнай Куропаткинъ вовремя, онъ могъ бы перепустить только полонину этой арміи и отхватить ее.

И такой еще былъ тутъ случай. Послалъ Куропаткинъ генерала Орлова съ отрядомъ въ 15 тысячъ зайти японцамъ въ бокъ. Орловъ пошолъ и сталъ тѣснить японцевъ. Вдругъ на походѣ получаетъ приказъ „въ дополненіе къ главному приказу“. А никакого „главнаго приказа“ Орловъ и въ глаза не видалъ. Въ дополнительномъ же ему было велѣно остановиться. Онъ такъ и сдѣлалъ. Скоро оказалось, что Орловъ далеко отъ своихъ, и что отряда генерала Штакельберга по близости нѣтъ, а между тѣмъ онъ долженъ бы здѣсь быть. Орловъ тогда сталъ отходить. Въ это время появился, наконецъ, Штакельберъ и опрокинулся... не на японцевъ, а на генерала Орлова: „Какъ, говоритъ, „вы смѣете отступать? Вы должны знать одно: идти впередъ! Берите батальонъ солдатъ (около 1000 человѣкъ) и отнимите у японцевъ вотъ этотъ холмъ!“ Орловъ отвѣчаетъ, что тутъ дѣло не батальономъ пахнетъ, и что ему приказано остановиться. „А я вамъ приказываю идти“, крикнулъ на него Штакельбергъ. Тотъ послушался, повелъ солдатъ, и скоро отъ нихъ осталась одна горсть. Самъ Орловъ былъ раненъ, и весь отрядъ его долженъ былъ отступить. А неудача на этомъ мѣстѣ повела за собой отступленіе остальныхъ частей арміи.

Вотъ какія дѣла творятся на войнѣ у нашихъ „славныхъ“ генераловъ. А солдатики горемычные за нихъ жизнью своей расплачиваются.

Черезъ мѣсяцъ послѣ Ляоянскаго кровопролитія, въ концѣ сентября, русскій главнокомандующій объявилъ наступленіе на японцевъ. Приказъ былъ подписанъ Куропаткинымъ, но нѣкоторые говорятъ, что настоялъ на немъ намѣстникъ Алексѣевъ, хотя самъ Алексѣевъ въ этомъ не признается и во всемъ винитъ Куропаткина.

Въ приказѣ было сказано, что, молъ, „до сихъ поръ мы отступали, потому что японцы числомъ были куда сильнѣе насъ; а теперь, молъ, мы сравнялись въ чи-

слѣ, и потому—впередъ!“ Про неумѣнье, про раздоры генеральскіе, про наше военное неустройство въ приказѣ, конечно, не было ничего сказано — стыдно было въ этомъ признаться.

Ну, вотъ, послушались Алексѣева ли, Куропаткина ли — неизвѣстно, пошли впередъ, а черезъ 5-6 дней кровопролитнаго боя вернулись назадъ, оставивши на поляхъ манчжурскихъ ни много, ни мало 45 тысячъ человѣкъ и полсотни пушекъ. (Начальство военное показываетъ меньше потерь, но оно *никогда полной правды не говоритъ*). Японцевъ пало, по ихъ показаніямъ, 15000.

Если затѣялъ этотъ несчастный бой адмиралъ Алексѣевъ, то и нашъ „великій“ Куропаткинъ тоже свое искусство показалъ. Онъ велѣлъ наступать двумя отрядами, далеко одинъ отъ другого, и соединиться только подъ Ляояномъ. Ему взбрело въ голову, что японцы въ открытомъ полѣ боя не примутъ, а только подъ защитой Ляоянской крѣпости, какъ передъ этимъ сдѣлали наши. Ну, и угодилъ нашъ генералъ! Какъ только русскія войска тронулись съ мѣста и разошлись по разнымъ дорогамъ врозь, японцы и наперли огромными силами на нашу правую армію и разнесли ее въ пухъ.

Пока въ лѣвой арміи узнали про это, пока подошли подкрѣпленія, дѣло было окончательно проиграно.

Спустя 2-3 дня, правда, нашъ одинъ отрядъ въ 20 тысячъ человѣкъ осилилъ въ одномъ мѣстѣ 12 тысячъ японцевъ и отнялъ у нихъ 14 пушекъ; но остальная наша армія въ наступленіе не перешла, такъ какъ была очень ослаблена большими потерями.

Это сраженіе произошло на рѣкѣ Шахэ.

Тѣмъ временемъ не дремали и наши морскіе генералы, или, какъ ихъ называютъ—адмиралы.

Подъ Портъ-Артуромъ, въ концѣ іюля, японцы стали съ сухопутья бомбардировать наши корабли и портить ихъ. Тогда адмиралы разсудили—и вполнѣ здраво на этотъ разъ — выбраться во что бы то ни стало

изъ портъ-артурской мышеловки и пробиться къ Владивостоку, который не былъ осажденъ японцами.

Разсчитывали при этомъ, что когда выйдутъ въ море артурскіе корабли, къ нимъ подоспѣютъ на помощь легкіе корабли наши (крейсера) изъ Владивостока.

Но ничего путнаго изъ этихъ плановъ не вышло. Какъ только въ бою съ японцами, былъ разбитъ нашъ главный корабль „Цесаревичъ“ и убитъ главный начальникъ, тотчасъ же остальные тяжелые корабли (броненосцы) вмѣсто того, чтобы всѣми силами пробиваться къ Владивостоку, пошли на утекъ въ Портъ-Артуръ; а легкіе (крейсера), изувѣченные и побитые, нашли пріютъ по чужимъ пристанямъ. Они вылѣзли только черезъ два дня, когда имъ дѣлать было уже нечего; вылѣзли и напоролись тоже на двойныя силы японцевъ. Натурально, японцы разбили изъ вдребезги: одинъ крейсеръ („Рюрикъ“) потопили, а два „Громобоя“ и „Россію“ — изувѣчили. Это было 1 августа. Съ тѣхъ поръ японцы, успѣли занять подъ Партъ-Артуромъ такъ называемую Высокую гору; втащили туда дальнобойныя орудія и почти всѣ вернувшіяся корабли изрѣшетили и перетопили пальбой съ суши.

Мы разсказали, вамъ, братцы, про главныя военныя дѣйствія за первые 9 мѣсяцевъ войны.

Ужъ то одно было преступленіемъ правительства противъ народа, что оно вовлекло нашу страну въ эту проклятую войну съ японцами. Вѣдь кромѣ горя и заботъ о чужихъ земляхъ, да многихъ расходовъ она намъ ничего не дастъ, если даже побѣда будетъ наша.

Ужъ за одно это нашъ народъ долженъ бы потребовать отчета у своихъ правителей,—у царя и его министровъ: „Почему и зачѣмъ, молъ, вы затѣяли эту страшную, разорительную войну?“

И такъ какъ настоящаго отвѣта у нихъ не нашлось бы, то слѣдовало бы разсчитаться съ ними по свойски, да взяться народу самому управлять своей зем-

лей, черезъ своихъ выборныхъ, излюбленныхъ людей.

Сколько же теперь прибавилось у нашихъ правителей грѣховъ противъ своего трудового, измученнаго горемъ-нуждой народа? Вы видѣли, братцы, изъ нашего разсказа, сколько непростительныхъ глупостей и ошибокъ допустило на войнѣ наше правительство и приставленые имъ генералы. Вы видѣли, какъ дорого расплачивались за ихъ преступное нерадѣніе, за ихъ опрометчивость или бахвальство ваши сыновья и братья — русскіе солдаты. Сотнями гибли они въ морскихъ бояхъ; тысячами, десятками тысячъ усѣивали своими мертвыми тѣлами горы и поля далекой, чужой намъ Манчжуріи. А какъ по милости того же начальства, наши солдатики тамъ голодаютъ, ѣдятъ тухлятину, ходятъ босые, да ободранные, какъ раненые по цѣлымъ днямъ валяются безъ призору, какъ обкрадываетъ ихъ со всѣхъ сторонъ начальство, — про все это надо бы отдѣльную книжку написать.

А вѣдь война, братцы, только разгорается. Конца ей еще не видать. Сколько еще уложатъ тамъ попусту нашихъ братьевъ глупые, неумѣлые, безчестные „отцы-командиры“, сколько лишняго горя внесутъ они въ наши семьи!?

И что же, братцы, неужто вы будете молча сносить все это? Да кому же, какъ не рабочему трудовому народу поднять свой голосъ противъ этихъ лиходѣевъ въ звѣздахъ да эполетахъ? Вѣдь рабочій народъ, особенно крестьянство, больше другихъ сословій отдаетъ своихъ дѣтей на воинскую муку; вѣдь у насъ изъ селъ и деревень сотнями отнимаютъ лучшихъ работниковъ, у женъ — мужьевъ, у отцовъ — дѣтей, да посылаютъ прямо на убой въ чужія страны. Да и кто, какъ не трудовой народъ даетъ деньги (изъ подъ палки) на эту войну? Съ него сдираютъ подати во всѣхъ сортахъ и смыслахъ и покупаютъ на эти денежки пушки да бомбы, да платятъ тысячное жалованье полковникамъ и ге-

нераламъ. Какъ же не крикнуть народу своимъ самозваннымъ правителямъ, да крикнуть такъ, чтобы въ ушахъ у нихъ зазвенѣло и волосъ на головѣ сталъ дыбомъ: „Да долго ли вы, мучители, будете попусту лить кровь народную? Долго ли будете пхать въ эту прорву, что войной зовется, наши трудомъ добытыя денежки? Да и кто позволилъ вамъ затѣять эту войну? Почему вы у народа не спросились? Да и какъ вы смѣете, неумѣлые, глупые, продолжать распоряжаться жизнью и смертью дѣтей нашихъ? Какъ вы еще не провалились въ тартарары послѣ такого сраму, какого наша земля давнымъ давно не видала? Не арміи вамъ водить, а свиней въ полѣ стеречь! Подъ судъ васъ народный отдать, а не звѣзды да чины вамъ разсыпать!“

Вотъ какъ надо бы обойтись народу со своимъ правительствомъ и его генералами.

Стыдно, братцы, да и прямо невыгодно, опасно для великаго нашего трудового народа подчиняться какой-то кучкѣ незванныхъ правителей и всякую затѣю ихъ безпрекословно исполнять.

Вы еще то возьмите въ толкъ: нынѣшняя война не за русскія земли ведется, на наши земли японецъ никогда не пойдетъ; ну а если бы пошелъ? Или если бы какое другое правительство стало бы обижать насъ, притѣснять да, не слушая никакихъ резоновъ, войной пошло бы на коренныя русскія земли, — что́ мы тогда стали бы дѣлать съ нашими горе-правителями да слюнтями-генералами?

Теперь они губятъ попусту на войнѣ людей да нужды народу прибавляютъ, а тогда сколько еще новыхъ бѣдъ и позора увидать придется! Подумайте, братцы! Теперь война идетъ на Китайской землѣ, теперь *китайскія* деревни пылаютъ, *китайскія* поля вытаптываются до корня, теперь мирные *китайскіе* крестьяне бѣгутъ, куда глаза глядятъ, отъ бомбъ и пожаровъ, по лѣсамъ и горамъ, какъ дикіе звѣри, прячутся, а тогда все это

пришлось бы узнать *русскимъ* крестьянамъ. По нашимъ селамъ и деревнямъ прошелъ бы врагъ съ огнемъ и мечемъ, прахомъ разсѣялъ бы послѣднее наше добро.

Вотъ чего мы можемъ дождаться, братцы, если будемъ терпѣть нашихъ нынѣшнихъ правителей — Николая Второго съ мамашей и прочей родней многоголовой, да его министровъ, совѣтчиковъ и генераловъ.

Нѣтъ, ужъ довольно имъ надъ народомъ измываться, довольно ѣздить на народной спинѣ да кнутомъ его подстегивать, достаточно уже тѣхъ бѣдъ и несчастій, какія мы отъ нихъ видали. Надо теперь же разогнать эту шайку народныхъ грабителей, отнять у нихъ власть; надо отнять и опору этой власти — землю у нихъ и у пріятелей ихъ, баръ да купцовъ, надо отдать эту землю въ распоряженіе трудового народа, а правительство поставить народное, выборное, обязанное отчетомъ своимъ избирателямъ.

Вотъ, когда у насъ установятся такіе порядки, тогда ужъ не будутъ драть съ народа податей непосильныхъ, не будетъ и войнъ безъ согласія народнаго; генералы будутъ отвѣчать передъ народомъ за свои дѣйствія; неспособныхъ, безчестныхъ изъ нихъ легче будетъ обличить, смѣстить и замѣнить людьми болѣе достойными.

Поднимайтесь же, братцы, на борьбу за лучшіе, справедливые порядки, за Землю и Волю! Присоединяйтесь къ соціалистамъ, которые уже давно борятся за народное дѣло! Напремъ дружно на нашихъ общихъ исконныхъ враговъ, сметемъ ихъ, какъ буря сметаетъ ничтожную пылинку, и на развалинахъ ихъ гибельнаго для народа могущества установимъ царство равенства, свободы и братства! Да здравствуетъ царя и его правительство! Да здравствуетъ Земля и Воля! Да здравствуетъ соціализмъ!

Ч 12139.

Типографія Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ.